

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Молодежь всюду выдвигает что-то новое, но люди постарше часто не понимают и не принимают ее новаций, ее взглядов на мир. Какова в этой связи ваша позиция?

— Вообще-то я устал от вопросов, которыми забрасывают меня здесь, в Москве, журналисты и которые как две капли воды похожи друг на друга. Дал себе зарок не повторяться, не говорить банальности. А молодежь?.. Обычно со мной не разговаривают на подобную тему. Но я много думал об этом. Хорошо, приходите ко мне завтра в одиннадцать утра, попытаюсь быть чем-то полезным.

Так несколько неожиданно согласился побеседовать с нами вечно занятый, вечно кем-то приглашенный и потому вечно куда-то спешащий почетный гость недавно завершившегося XV Московского кинофестиваля. Человек, у которого все репортеры хотят взять интервью и который все более слышит в этом смысле неприступным. Тем заманчивее встреча с известным колумбийским писателем лауреатом Нобелевской премии Габриэлем Гарсиа Маркесом.

— Почему эти проблемы актуальны для вас именно сегодня? — спросил он на следующий день, приняв нас в своем гостиничном номере. — Они из тех, что принадлежат вечности и, по существу, являются разными формулировками одного и того же вопроса — о жизни.

— Потому что сегодня у нас сложилась непривычная ситуация, когда молодежь заговорила громко, но подчас непонятно для взрослых языке. Вдруг как бы открылись шлюзы ее самовыражения, и привычные ее образы стали тускнеть. Слово поменялось и краски: вместо черно-белых — либо молодой человек послушен и нежен, либо хулиган и «плебей» — они засверкали всеми цветами. Рассыпался фейерверк социальных инициатив, расширились горизонты увлечений. Приоткрылась и все смелее показывает себя, ищет понимания еще недавно наглухо закрытая, как океанская раковина, молодежная субкультура. Но вместе с тем, похоже, старшие, даже ответственные за воспитание молодежи, оказались не совсем готовыми к такому выплеску. Стена предубеждений, недопонимания еще высока. Так как же, на ваш взгляд, преодолеть ее?

— Тут много парадоксов. А беда, по-моему, в том, что человек часто попадает в плен своих представлений. И чем он дольше живет, тем вероятнее опасность, что эти представления все труднее менять. Так рождается нетерпимость — давний порок человека, который проявляется в неприятии чужой точки зрения. Это касается философии, религии, мировоззренческих позиций и т. д. Даже того, каков ваш и вашего оппонента жизненный опыт, другими словами — молод ты или стар.

Мы, взрослые, часто считаем, что все не похоже на нас, все делаемое не так, как мы привыкли, — плохо. Думаю, что столь же непримиримо молодые люди относятся к мыслям и поступкам старших. Более того, мне кажется, они считают, что все взрослые одинаковы — консервативны, неспособные понять чувства и позиции молодых. Это то, что испокон века называют конфликтом поколений, пропастью между отцами и детьми...

Минутная пауза. — По сравнению с вами, — продолжил писатель, — я в более привилегированном положении. Потому что уже был молодым, страдал от, как мне казалось, насилия взрослых. Так же, как и сегодняшние молодые, не очень верил в возможность, а главное, в целесообразность искать и находить способы равноправного общения со старшими. Между тем сейчас отчетливо понимаю, что жизнь едина. Когда вы станете старше, с удивлением и тревогой обнаружите, что сохраняете в себе и вашу молодость, и в то же время вы

уже чуть-чуть консерватор. Почувствуете также, что вокруг вас постепенно воздвигаются барьеры, отделяющие от тех, кто моложе. Что вы смотрите на молодежь уже так же, как то старшее поколение, которое вы когда-то критиковали. Не хватает какого-то постоянного канала коммуникации между поколениями.

Впрочем, такие каналы понимания, доверия важно искать не только в том, что касается проблемы отцов и детей. Универсальная беда человечества заключается еще и в том, что всегда, когда появляется что-то новое, непохожее, отличное от старого, возникает непонимание, конфликт.

личное общение, поиск своего канала коммуникации между ним и представителями других поколений. Поэтому не случайно наш собеседник продолжил разговор о молодежи, основываясь на собственном опыте.

— До недавнего времени у меня никогда не было проблем с молодежью, — улыбается он, — потому что я никогда не был, как у нас говорят, маэстро — то есть учителем, воспитателем. Мне попросту никогда не приходилось обучать кого-либо. Но полгода назад я попробовал это в Международной школе кино и телевидения, которая располагается близ Гаваны. С десятью молодыми людьми

должал писатель, — что молодые люди несерьезно воспринимают жизнь. На самом деле, вероятно, они гораздо более серьезно воспринимают все, чем взрослые. Или, лучше сказать, — серьезно принимают те вещи, которые определяют для них в качестве серьезных взрослые.

И еще об одном поучительном случае. Как-то, когда мы жили в Мексике и я собирался съездить в Колумбию, младший сын спросил меня: что ты привезешь, когда вернешься? Я пообещал ему светлячка. И, конечно, забыл про это. Когда вернулся, сын напомнил о подарке. Что мне было ответить?.. Много лет

произошло явление, которое до сих пор, по-моему, еще не нашло полного объяснения. Неожиданно латиноамериканцы начали читать родную литературу. Романы, которые долгое время не покупались, стали бестселлерами. Впервые издатели бегали за писателями, и впервые тем приходилось буквально прятаться за кроватями и шкапами от поклонников. Так в 70-е годы латиноамериканский роман завоевал популярность в мире.

А теперь мы ждем, чтобы свое место в мире заняло и латиноамериканское кино, ждем хороших фильмов. Стараясь завоевать премии на кинофестивалях точно так же, как старались в свое время перевести наши книги на другие языки. Пока эти фильмы не имеют большого успеха у зрителя в наших странах. Чтобы изменить положение, несколько лет назад был основан Комитет кинематографистов Латинской Америки. Он решил создать фонд нового латиноамериканского кино. Меня попросили стать его председателем.

— Это правда, что много лет назад я поклялся никогда в жизни не возглавлять ни одной организации, — продолжал писатель. — Однако здесь существует один момент — мне всегда нравилось кино. Причем до такой степени, что если когда-то я что-то и изучал систематически в учебном заведении, то это касалось именно его. Я никогда не учился ни на литературном факультете, ни в литературной школе. Но зато прослушал курс в экспериментальном кинематографическом центре в Риме. Поэтому-то и дал согласие стать председателем кинофонда, а затем и преподавателем в Международной школе кино и телевидения...

Время бежит. И обещанные на интервью десять минут растянулись на час. Как и писатель, мы тоже не ожидали, что наши вопросы станут поводом для такого обстоятельного разговора. Но дела торопят почетного гостя, и он предупреждает: последний вопрос.

— Впрочем, — замечает писатель, — я, кажется, знаю, о чем вы спросите. У меня такое впечатление, что все странно, все люди одинаковы — в общечеловеческом смысле. В прошлое воскресенье мы гуляли по Арбату. Встретили там юношу, который играл на гитаре и пел о том, что молодые люди мечтают путешествовать по миру. Меня очень обрадовало, что московская молодежь поет такие песни на улице. Легко заметить: во всех уголках земли их сверстники поют о том же — о тоске по перемене мест, по романтике, по неожиданным, по яркой жизни в противовес серым будням и несправедливостям, которых, как им кажется, предостаточно.

Однажды я написал так: человек узнает, что становится старым в тот момент, когда он начинает походить на своих родителей. Да, общество меняется. Но человеческая суть, жизнь в ее основах куда менее подвержена переменам. И я глубоко уверен в том, что единственный способ найти взаимопонимание — это любовь. Она и есть та самая тайна общения, искомый канал коммуникации, о поисках которого мы сегодня беседовали с вами так долго.

Повторю еще раз: взаимопонимание — это любовь. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Писатель устало улыбнулся. Мы протянули ему блокнот для автографа. Он написал, как бы еще раз резюмируя нашу беседу:

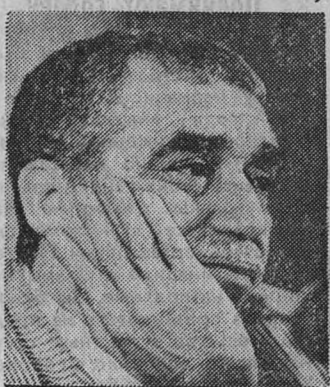
«Ответственным за молодежь и культуру я хотел бы напомнить только одно: хорошо удается то, что делается с любовью».

А. КУКЛИН,
В. КУЛИКОВ.
(ТАСС — специально для «Комсомольской правды»).
Москва.

Фото В. ЯКОВА.

ЛЮБОВЬ!

Разговор с Габриэлем Гарсиа Маркесом о молодежи, проблеме отцов и детей, о жизни вообще

A los responsables de Juventud y Cultura solo quiero recordarle que nada es bueno si no se hace con amor.

Garcia Marquez

17

Человек, который сидит перед нами, воспринимается миллионами его почитателей во всех уголках мира как живая легенда. Называют его и живым классиком. Понятно, главную роль в этом сыграли его романы «Сто лет одиночества», «Осенняя патриарха», повесть «Полковнику никто не пишет», другие произведения, положившие начало буму латиноамериканской прозы, ее широкому признанию за рубежом. Но, думается, не только этим объясняется притягательность его имени.

Так какова же точка отсчета феномена, который мы сегодня называем Габриэлем Гарсиа Маркесом, — одного из шестнадцати детей скромного телеграфиста из затерянного в низовьях колумбийской реки Магдалены бананового местечка Аракатаки?

В восемнадцать лет, став газетным репортером, он объездил все уголки Колумбии. Открыл для себя не только радость познания искренних и чистых людей, но и то, что иные не любят видеть во имя собственного удобства: как одни обогащались, а другие морально деградировали, как много вокруг насилия, религиозного фанатизма, демагогии — так вспоминает об этом сам писатель.

Еще в середине 50-х годов критические статьи, вышедшие из-под пера молодого журналиста, вызвали недовольство тогдашнего военного диктатора Колумбии. С помощью друзей Гарсиа Маркес получает работу постоянного корреспондента газеты «Эспектадор» в Западной Европе — сначала в Риме, потом в Париже. Когда на его родине поднялась новая волна реакции, молодой репортер, верный своим принципам, решил не возвращаться в Колумбию. В 1957 году он побывал на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. А после победы революции на Кубе одним из первых рассказал правду о событиях на острове Свободы. Он писал о никарагуанских революционерах, бойцах Фронта национального освобождения имени Фарабуто Марти в Сальвадоре... Так сформировалось у него глубокое убеждение, о котором он не раз говорил: рано или поздно мир обязательно придет к социализму.

...При всей социальной полифоничности проблемы отцов и детей решать ее призван каждый из нас — через

мы занимались тем, что коллективно писали. Сначала у меня появились очень большие проблемы в общении с учениками. Они хорошо понимали друг друга, но вот что касалось меня... Наверное, им было трудно искренне общаться со мной потому, что я был для них чем-то вроде легенды. В конце концов мы договорились, что нам лучше работать на равных. Мы действительно сообща обсуждали, о чем будем писать, потом также вместе корпели над каждым словом, фразой, поворотом сюжета. И — о чудо! — в этой суматошной, но такой благодарной работе мы научились понимать друг друга. Позже это понимание распространилось и вне аудитории. Я их обучал, исходя из опыта, который у меня был. В свою очередь они делились со мной своим опытом, который для меня оказался совершенно поразительным. Когда трехмесячный курс закончился, мои питомцы сказали, что хотят попрощаться со мной, но не знают, где это лучше сделать. Тогда я пригласил их к себе домой. Они рассказали мне все, что думали обо мне, когда приехали в школу, и что думают после ее окончания.

Тогда я им тоже рассказал всю правду. Поначалу у меня было впечатление, что я терплю полный провал, но что под конец занятий я в восторге от них. Если бы знал раньше, что быть преподавателем — такое завораживающее занятие, занимался бы им всю жизнь...

— Вы часто говорили, что не менее, чем в литературе и в общественной деятельности, стремились самореализоваться в полную силу и как отец двух детей. Как в вашей семье преломились проблемы, о которых мы сегодня говорим?

— Всегда сочувствовал своим детям, когда они еще были совсем маленькими. Потому что им приходилось каждый день ходить в школу. Мне было не по себе, что я остаюсь в теплой постели, а мои бедные дети и в дождь, и в темноту должны идти на уроки. Однажды я им сказал, что вынужден подвергать их такой пытке. Представьте мое удивление, когда они мне возразили: ты не понимаешь, это для нас приятно во всех отношениях. Им, оказывается, нравится ходить по утрам в школу и, напротив, очень грустно возвращаться домой. — Обычно думают, — про-

спустя, уже став взрослым, женатым человеком, он мне рассказывал, что самым трагичным днем его детства был тот, когда я не привез ему светлячка из Колумбии. Он не знал тогда, что это такое, думал о каком-то сказочном существе. Представьте себе, не спал ночами, ожидая обещанного подарка, признался даже, что не столько ждал моего возвращения, сколько этого светлячка. И тогда я отчетливо понял, что нельзя говорить с детьми, да и с молодежью, не принимая всерьез их юный мир, который не что иное, как мир серьезный.

— Я вспоминаю отрочество как худшее время в моей жизни, — признался после паузы Габриэль Гарсиа Маркес. — Я не знал тогда, куда идти, что делать. Мне было не по душе, что я зависим от кого-то. Мне не нравилось, что у меня нет денег. Меня страшно угнетало непонимание со стороны взрослых. Это продолжалось до того момента, когда я наконец понял, каково мое призвание, когда я начал работать, когда почувствовал в этой работе опору. Воспитывая своих детей, я делал все для того, чтобы у них не было неопределенности, неуверенности в себе. Я старался обращаться с ними не так, как обращались со мной мои родители, все взрослые.

— Вы уже говорили, — спросили мы его, — что недавно впервые в жизни стали преподавать в Международной школе кино и телевидения. Почему к вам, писателю с мировым именем, пришлось такое решение? Объясняется ли оно только вашей симпатией к кинематографу или на этот шаг побудила необходимость поддержать молодое кино Латинской Америки в его становлении? Другими словами, передать тем, кто моложе вас, накопленный опыт?

— Я уже говорил на пресс-конференции на кинофестивале, повторю и сейчас: кинематографисты Латинской Америки, к которым я себя тоже причисляю, стараются сейчас сделать все для того, чтобы нынешняя латиноамериканская литература послужила импульсом для развития кинематографа на континенте. Тем более что она является собой хороший пример для подражания.

Наша романистика имеет древние корни, но долгое время существовал парадокс: латиноамериканцы не знали своих писателей. И вдруг